

Н.С.Лесков. Островитяне

Собрание сочинений в 11 томах. Т. 3

Подготовка текста и примечания И.З. Сермана

Государственное издательство художественной литературы, М.: 1957

OCR Маханов Т.Т.

Повесть

*Овцы царя Авгиаса не вместе, в стадах
разделенных, –
В кругах разных пасутся; одни по долинам
Вдоль берегов Элизента, другие у вод
освященных
Старца Алфея, иные по злачным Бупроза
вершинам,
Прочие в здешних окрестностях. Каждое
стадо
Вечером с пастбищ собрать нам в овчарни
отдельные надо.*

Идиллия Феокрита.

Очень давно когда-то всего на несколько минут я встретил одно весьма жалкое существо, которое потом беспрестанно мне припоминалось в течение всей моей жизни и теперь как живое стоит перед моими глазами: это была слабая, изнеможенная и посиневшая от мокроты и стужи девочка на высоких ходулях. В тот день, когда я увидел этого ребенка, в Петербурге ждали наводнения; с моря сердито свистал порывистый ветер и носил по улицам целые облака холодных брызг, которыми раздобывался он где-то за углом каждого дома, но где именно он собирал их – над крышей или за цоколем – это оставалось его секретом, потому что с черного неба не падало ни одной капли дождя. В этот ненастный, холодный день она вышла на грязный мощеный двор из-под черной арки ворот в сопровождении еще более ее изнеможенного итальянского жида, который находился с нею в товариществе по добыванию хлеба, и в сопровождении целой толпы зевак, с утра бродивших для наблюдения, как выступают из берегов Лиговка, Мойка и Фонтанка. Бледный, чахоточный жид, стигаясь в три погибели, нес покрытую клеенчатым чехлом шарманку; праздные люди гордо несли на своих лицах спокойную тупость бессмыслия. Девочка на ходулях была самым замечательным лицом во всей этой компании и с помощью своих ходуль возвышалась наглядным образом надо всеми. По силе производимого ею впечатления с нею не мог соперничать даже ее товарищ, хотя это был экземпляр, носивший, кроме шарманки, чахотку в груди и следы всех страданий, которыми несчастнейший из жидов участвует с банкиром Ротшильдом в искуплении грехов падшего племени Израиля. Во-первых, девочка была богиней: на ней был фантастический наряд из перемятой кисеи и рыжего плиса; все это было украшено гирляндами коленкорových цветов, позументом и блестками; а на ее высоком белом лбу лежала блестящая медная диадема, придававшая что-то трагическое этому бледному профилю, напоминавшему длинный профиль Рашели, когда эта пламенная еврейка одевалась в костюм Федры. Нет сомнения, что вошедшая на ходулях девочка тоже должна была воплощать в себе понятие о каком-то трагическом величии. Она вошла твердою и спокойною поступью, и когда сопровождавший ее жид завертел свою шарманку, она запела:

В Нормандии барон,
Большой любитель псов,
Жил с деревенской простотою.

В ее голосе, которым она пропела эту рыцарскую песню, было столько же скромной твердости, сколько в ее тихом шествии на ходулях; но эта рыцарская песня не нашла сочувствия ни в ком, кроме одной слабонервной дворняжки, начавшей подвывать певице самым раздражающим голосом и успокоившейся только после пинка, отпущенного ей сострадательным прохожим.

Несравненно более общего внимания у зрителей девочка встретила тогда, когда она проплясала перед ними на ходулях какой-то импровизированный